

БЕСЕДЫ О ФИЛОСОФИИ с настырным «физиком»

*«Вали, ребята, вали! ... в ум, в мысль,
в живую мысль и в живой ум, в живую науку,
в интимно-трепетное ощущение перехода
от незнания к знанию, и от бездействия к делу,
и в эту бесконечную золотистую даль
вечной проблемности, трудной и глубокой,
но простой, здоровой и усадительной.
Певучими радостями овеяна живая мысль...»
А.Ф. Лосев «Сокровище мыслящих»*

Беседа 1. О философии и науке

С тех самых пор как я начал преподавать философию в университете, я сталкиваюсь со стойким непониманием со стороны некоторых студентов вопросов: что такое философия и зачем она нужна? Особенно это заметно у «физиков», то есть у студентов естественных и технических специальностей. Не все, конечно, говорят об этом прямо, хотя по отсутствующим лицам и так понятно, но находятся и такие юноши, которые не скрывают своих взглядов. Обычно я отшучивался: мне, дескать, тоже непонятна квантовая химия, но я же не говорю, что она не нужна. А вы, мол, еще философию не выучили, а туда же – выводы делаете. Но однажды мне попался настырнейший и в то же время неглупый «физик» и с ним у меня вышел интересный разговор.

Этот «физик» подошел ко мне после лекции и не стал ходить вокруг да около, а сказал напрямик: а по-моему философия ваша вовсе и не нужна. И было в его виде нечто такое, что не позволило мне просто отделаться от него упреком в невежливости: уж больно он не был похож на балбесов, которым лишь бы не учиться, чувствовалось, что задел я его за живое своим рассказом о философии, что он много об этом и сам думал, и что, может, ему есть что сказать по этому поводу. Поэтому я примирительно предложил: что ж, давай обсудим этот твой тезис. В конце концов, философ Спиноза призывал не плакать, не смеяться, а понимать. Поэтому – прочь мелкие обиды и церемонии, и да здравствует свободная мысль.

- Это хорошо, это по-нашему – заметно повеселел студент. – Так бы физик мог сказать.

- Что ж, продолжал я, ты считаешь что философия совсем - совсем не нужна?

- Совсем –совсем! – упрямылся он.

- И сегодня не нужна, и никогда не была нужна, и не будет нужна?

- Ну уж нет – неожиданно для меня он стал возражать. Я вот раздумывал об этом. И решил, что раньше-то в философии был смысл и очень большой. Ну до возникновения экспериментальной физики, химии, биологии, психологии... Да взять хоть греков к примеру – они высшей математики не знали, опыты ставить не додумались, а лишь размышляли отвлеченно, но иногда очень и очень недурственно. До атомов доразмышлялись – это надо же, без микроскопов, ничего не зная о броуновском движении! Демокриту памятник надо поставить за это! Да! И я, наверно, погорячился, что философия сейчас совсем бесполезна. Философия интересна и нужна, но ... как история науки ... как история гениальных догадок и заблуждений... как извилистый путь к истине... А философствовать сегодня, когда есть синхрофазотроны и общая теория относительности?

- Вот чешет, прямо как по написанному, а еще говорит: философии не любит – подумал я, но вслух сказал другое.

- Насчет того, что греки до чего-то там не додумались, с этим, конечно, я не соглашусь. Греки, любезный, поумнее нас были, только их понять надо уметь. Ну да не станем отвлекаться. Так ты считаешь, что экспериментальная наука способна раскрыть все секреты природы без всякой помощи со стороны философии?

- Естественно – закивал студент.

- А что, есть некая наука, которая изучает всю природу и все общество, то есть весь универсум, как выражаются философы? Или каждая наука изучает только его часть?

- Каждая только часть – задумался «физик» - физика – движение, тепло, электричество, химия – реакции всякие, превращения.. Ну да, я понял к чему вы клоните! – он прямо засиял от радости – философия и есть наука о мире в целом. Как вы это сказали ... об у-ни-вер-су-ме. Правильно? Философия сведения из всех наук собирает и воедино связывает.

- Не торопись, осадил я его. Мне эта твоя мысль не очень-то нравится. Что это за задачу ты оставил философии странную. Это значит, сегодня физики говорят: свет - это волны в мировом эфире, философы тут же «под козырек»: ага, сейчас мы это растолкуем и разовьем! Завтра физики извиняются: ошибочка вышла, никакого мирового эфира не обнаружено, философы же также бодро: не беда! Мы враз и это растолкуем...

- Ну вы это того – смутился студент – как это называется ... утрируете. И потом, сами ведь говорили: понимать надо, при чем тут тогда нравится- не нравится....

- Это ты молодец, что про девиз Спинозы вспомнил. Именно понимать – продолжал я - а я вот не пойму и ты мне разъясни: исследуя части, взятые по отдельности, можем мы получить исчерпывающее знание о целом? Или вот еще как: есть ли целое простая сумма частей?

- Это что – замаялся мой «физик» – вы это о чем?

- Да об очень простом: смотри! Отрезок одномерная фигура?
- Ну да.
- А треугольник двумерная?
- Точно.
- Можно ли считать треугольник обычной суммой трех отрезков?
- До сегодняшнего дня я думал, что можно – задумчиво протянул студент – а теперь вижу – нет. Сумма трех отрезков есть тоже отрезок. А треугольник – сумма сторон. Правильно!
- Ну да – согласился я – а сторона – это не отрезок одномерный, а фигура, подразумевающая другую сторону, угол, то есть второе измерение. Значит, сторона имеет смысл только при наличии треугольника. Не знаешь, что такое треугольник – не узнаешь, что есть его сторона!
- А разве не бывает по-другому, чтобы сумма частей давала целое? – снова заупрямился «физик» – ну вот дерево за окном, к примеру, оно состоит из кроны, ствола, корня...
- Ну да – рассмеялся я – и если ты возьмешь и соединишь корень, отпиленный от одного дерева, и ствол, отпиленный от другого, то все сразу срастется и дерево зашелестит листками!
- Гм – замялся «студент» – и вправду, дерево живое, все его части соединены тысячами связей – соки там текут, и ткани преобразуются, срастаются, так что оно конечно, не просто совокупность частей ... А, я опять догадался: к чему это вы клоните: мол, физика изучит движение, химия – реакции, астрономия – звезды, но о мире в целом они все равно ничего не скажут.
- Именно, любезный! Как бы далеко не двинулись науки, все одно они философии собой не заменят, потому что у наук свое предназначение, а у философии – свое.
- Да! – «физик» почесал макушку – теперь я понял: почему в учебнике написано: философия – учение о наиболее общих законах природы и общества, мира в целом. Эти наиболее общие законы или принципы отличаются от закона Ньютона или закона Карно, выше бери, закон Ньютона есть проявление этих общих законов на физическом уровне!
- Вот теперь правильно, спорить не с чем – согласился я.
- Только вот как изучить эти общие законы – «физик» опять посмурнел – ведь мир в целом, как Вы говорите, универсум – это не грузик лабораторный, с ним эксперимент не проведешь...
- Точно! – восхитился я его догадливости – философия такая наука, в которой неприменим экспериментальный метод. И не только философия такова, любезный ты мой! Возможен ли эксперимент в астрономии? Или в геометрии?
- Ну в астрономии точно невозможен – студент посмотрел на меня вопросительно – а вот в геометрии... что-то я тут путаться начал
- Так это же просто – воскликнул я – скажем, теорема Пифагора гласит: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. А как мы это дока-

зываем: замеряем гипотенузу и катеты нарисованного на доске треугольника, возводим в квадрат и прибавляем?

- Нет, конечно, умозрительно доказываем!

- А почему?

- Не знаю – честно сказал «физик»

- А я тебе разьясню. Потому что совершенного прямоугольного треугольника, который изучает геометрия, в природе не существует. Наше изображение на доске – лишь отдаленное его подобие! Прямоугольный треугольник дан нам лишь в умозрении. Точно также и в философии – тут нужен, брат, умозрительный метод, мир в целом виден лишь нашему уму, но не глазу. И такой метод есть, имя ему – диалектика, но о нем я расскажу отдельно. А пока давай вернемся к нашему главному вопросу – зачем тебе, физику, философия?

- Ну как – студент отвечал уже довольно бодро, уверенно, как будто повторяя продуманное и понятное – мы же решили, что законы физики есть лишь частное выражение более общих законов универсума, которые изучает философия. И изучает, как Вы сейчас сказали, при помощи диалектики.

- Правильно – обрадовался я – а значит, для тебя будет теперь ясно, почему один из диалектиков 19 века – Фридрих Энгельс сказал, что естествоиспытателю, то есть физику, химику, биологу все равно не обойтись без философии. Выбор перед ними другой – сознательно опираться на какую-нибудь классическую, продуманную философскую теорию, или бессознательно - на свою собственную, доморощенную, непродуманную...

- Это какой Энгельс, который марксизм что ли создал – разочарованно протянул студент.

- А что с того – возразил я – с марксизмом можно не соглашаться, но не признавать за ним статус значительной философской концепции, к которой в любом случае стоит прислушаться – это уж, братец, извини – бескультурье.

- Ну что Вы – замахал он руками. Я, конечно, прислушиваюсь.

- К тому же почти то же самое говорит английский писатель Честертон, а он вообще – католик.

- Дайте-дайте я сам попробую пояснить: как это физик не может обойтись без философии – весело воскликнул студент – скажем, я изучаю механическое движение. Прежде всего, движение происходит в пространстве. Значит, мне нужно определение пространства.

- А пространство – это не физическое тело, а условие существования физических тел – подхватил я нить рассуждения - свойство материальной природы в целом, поэтому пространство изучается и определяется не физикой – наукой о телах а...

- философией природы – учением об общих принципах природы! – закончили мы хором с ним и тут же рассмеялись.

- То есть любой физик, даже который страшно не любит философию, все равно вынужден использовать какое-нибудь философское определение пространства. И если он об этом не будет задумываться, он будет плохим физиком, потому что он станет изучать частности и упускать из виду главное. Значит, хороший физик – всегда немного философ! Так? – студент, похоже, был изумлен.

- Да, это парадокс – согласился я. Чтобы быть хорошим физиком, нужно быть чуть-чуть больше чем просто физиком, точно также как чтобы стать поэтом – нужно быть больше чем поэтом, чтобы – художником - больше чем художником. Стремись к невозможному и ты достигнешь возможного, стремись к журавлю в небе и сможешь рассчитывать хотя бы на синицу. А если ты сразу будешь в своих стремлениях так боязлив и меркантилен, что дальше синицы не поднимешься в мечтах, ты и ее не получишь! Для тебя тут примером должен быть, думаю, Эйнштейн – ведь он открыл свою теорию только потому что задумался о наиболее фундаментальном – свойствах пространства и времени ...

- Что ж, сейчас же пойду в библиотеку, займусь философией - решительно заявил студент.

- Иди-иди – напутствовал его я – только помни, что философию нельзя изучать по учебникам – это все равно, что изучать живопись Возрождения по научным монографиям, где нет даже репродукций. Философия – это растянувшийся на века диалог между великими мыслителями и поэтому, чтоб изучить философию, нужно читать Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Маркса и Соловьева, Ильенкова и Лосева! – Так и сделаю – согласился студент.

На этом мы и расстались.

Беседа 2. Об идеях и вещах.

Не прошло и месяца как ко мне подошел тот же «физик» с видом, смущенным донельзя. Он переминался с ноги на ногу и не решался начать – полная противоположность первому разу, когда он буквально напал на меня.

- Что-нибудь тебе непонятно? – спросил я его.
- Ну да – ответил он. Непонятно даже мягко сказано. Я и растерян, и возмущен...
- А в чем причина твоего возмущения?
- Так вот в чем – студент протянул мне томик сочинений Платона – сами ведь советовали Платона штудировать, а он тут такое пишет...
- Какое такое?
- Да он ведь учит, что есть некие идеи – невидимые образцы вещей и они в отличие от вещей вечны, неизменны, совершенны, а вещи, стыдно сказать.. тени какие-то..
- А что же тут возмутительного?
- Ну как, ведь это же бред полный! Ведь каждому здравомыслящему человеку ясно: существует лишь данное нам в ощущениях, вот, например, я вижу стол, кактус на окне, доску, они и существуют. Я об этом в учебнике даже читал. Мы, материалисты никак не можем с платоновскими бреднями согласиться!
- Ты погоди, погоди эмоции нагнетать. Ишь, критик Платона выискался! Подумай лучше, материалистом или идеалистом бывает ведь философ?
- Конечно
- Ну а ты разве философ уже?
- Нет – студент засмутился – я из философии пока только учебник «Введение в философию» и кое что из Платона прочитал
- Вот-вот, а все туда же! Материалист! Просто материализм тебе кажется пока понятнее, а на самом деле ты ни о материализме, ни об идеализме и представления четкого-то не имеешь
- Наверно, вы правы – сконфуженно согласился студент
- Ты вот сначала попытайся понять, что Платон хотел сказать, постулируя, что существуют невещественные идеи, а уж потом ругай его. Если, конечно, будет за что и если духу хватит.
- А вы мне помогите, я ведь и так и сяк обдумывал – ну ничего путного в голову не лезет!
- Попробую. Значит, говоришь, существует лишь то, что можно увидеть, потрогать, пощупать?
- Спора нет
- А ты вот только что признавался, что возмущен. Так или не так?
- Так

- А можешь ты это свое возмущение увидеть и пощупать?
- Ну тут Вы меня не собьете! Возмущение – психический феномен, это мы по психологии проходили, точно помню! А все психические феномены имеют вполне материальную природу, скажем, когда я возмущаюсь, меняются параметры биотоков моего мозга, биохимический состав организма, величина артериального давления.
- Ты бы еще добавил, появляется соответствующая гримаса: выпучиваются глаза, приоткрывается рот...
- Ну это вы того – смутился студент.
- Да ладно, не обижайся! Я ведь к слову. Ну так что, ты ведь не будешь всерьез утверждать, что гримаса эта и есть твое возмущение? Это ведь все равно что заявлять, что артист, играющий Гамлета и есть принц Датский!
- Теперь я, кажется, понял: гримаса есть выражение возмущения, точно также как перепады давления, изменения биотоков...
- Верно! И если эти выражения доступны либо нашим органам чувств, либо нашим приборам, то само возмущение как психический феномен для глаз невидимо, для пальцев и ушей и приборов недоступно, хотя при этом вовсе не перестает существовать!
- Чудеса!
- Никаких чудес, любезный. И ладно бы, если бы так дело обстояло только лишь с возмущением. Но ведь таковы и все другие эмоции, аффекты, а также все воспоминания, надежды, мысли, наконец! Розу можно увидеть и понюхать, а мысль о розе нельзя увидеть и понюхать, но она все таки тоже существует.
- А я понял, в чем тут загвоздка! Роза существует объективно, независимо от человеческого сознания, а мысль о розе – субъективна, она только в нашей голове!
- Субъективно ... объективно ... Это ты где, в учебнике, таких терминов набрался что ли?
- Да...
- Я же тебе говорил, меньше учебник читай, а больше - классиков! Ну да ладно. В голове говоришь, мысль. А в каком месте: в гипофизе, в правом полушарии мозга, в левом?
- Ну... Это... Мы же уже говорили, что мысль не имеет видимых очертаний... то есть она, как бы это сказать... не пространственна... Наверно, я хотел сказать, что мысль связана с моим умом, им порождена, без него не существует.
- Правильно! Только она и без розы не существует, как бы ты мыслил розу, если бы роз вообще не было, а? Значит, мысль в то же время и объективна, и это и так ясно: я ведь тебя понимаю, когда ты говоришь: роза, то есть эта мысль проницаема и для моего ума, и для ума тысяч людей. А что касается объективности самой розы, тут ведь тоже не все так просто: она, бесспорно, объективна и растет в оранжерее, но ты ведь ее воспринимаешь посред-

ством чувств, ощущений, представлений, а уж они точно принадлежат тебе, субъекту познания, значит, субъективны

- Вроде так...

- Вроде! Небось читал в том же учебнике о практике, в которой субъективное и объективное сливается?

- Читал...

- Силен же ты, брат, учебники штудировать! Что же у нас получилось, а? Существует не только видимое для наших глаз, и доступное приборам, так ведь? Хотя заметь, я не утверждаю при этом, что вещи видимого мира не существуют. Ну да вернемся к платоновским идеям.

- И я о том же ведь. Я все таки пришел спросить о другом: зачем Платону утверждать существование невидимых идей, когда перед нами есть вот эти самые вещи – он показал рукой - и казалось бы, с ними и нужно разбираться!

- Что ж давай и разберемся! Прежде всего, так ли уж ты уверен, что эти видимые вещи существуют?

- Ну – студент прямо задохнулся от волнения – вы прямо скажете! Вот стол, я когда заходил, стукнулся об его угол, мне было больно, что ж это выходит: я о несуществующий предмет стукнулся! Это же дичь!

- Да ты погоди ругаться! Я же ничего не утверждал, я только спрашивал!

- А я Вам и отвечаю: этот стол безусловно существует.

- Почему?

- Ха-ха! Да потому что я его вижу!

- Ой ли! Вот сейчас, ты что, видишь стол, то есть весь стол сразу, целиком?

- Нет, конечно, я вижу только его переднюю часть.

- Ну так бы и говорил: я вижу переднюю часть стола, а значит, она точно существует!

- Вы меня тут не запутаете! Я ведь могу обойти стол и увидеть его и сбоку, и сзади!

- Не сомневаюсь. Но скажи, ты тогда уже не будешь видеть его переднюю часть?

- Не буду – студент озадаченно замолчал, а потом посмотрел на меня – я бы даже сказал и обиженно, и вызывающе, и произнес: но ведь я вижу стол! Вижу! Вижу!

- Успокойся, милый мой, несомненно видишь! И я вижу! Но в том-то и штука, что глазами мы всегда видим лишь часть, а все остальное достраиваем умом, домысливаем. То есть вещи целиком, не говоря уже о космосе и о мире даны нам в умозрении. А теперь суди сам: говоришь, что если ты глазом видишь нечто вещественное, то оно и вправду существует, вне твоего личного сознания, и для других людей тоже?

- Да.

- А теперь ты убедился, что нечто и умом можно видеть, что в вещь ты рассматриваешь не только глазами, но и умом тоже, то есть понимаешь ее, достраиваешь в воображении, отличаешь от других вещей.

- Да

- Выходит, должно быть нечто реально вне тебя и меня в вещи существующее, и соответствующее нашему мышлению, также как есть в вещи материя соответствующая нашему видению. Это нечто и называется идея.

- Все равно я не вполне согласен. Пускай я вижу только часть, но ведь эта часть есть, вот она, зачем мне тогда выдумывать какую-то идею?

- Хорошо, давай подойдем с другой стороны. Скажи, ты видишь сейчас точно такой же стол, который увидел, когда заходил в комнату?

- Постойте-постойте! Я об этом раньше как-то не задумывался... А ведь и вправду, в нем за это время произошло огромное количество изменений: элементарные частицы там превращаются друг в друга, рождаются и аннигилируют, молекулы и атомы движутся...

- Да и, попросту говоря, вещество этого стола – дерево стареет, гниет, рассыпается – прибавил я.

- Это что же получается? Всем нам кажется, что нас окружают устойчивые, неизменные вещи, что эти стол, комната, окно точно те же, что были вчера, а на самом деле, и все это, и я, и Вы постоянно и незаметно изменяемся... - студент от волнения даже стал размахивать руками.

- Только сами не замечаем этого, как не видим и движения часовой стрелки, когда неотрывно смотрим на нее. – поддержал я его. -Теперь ты понимаешь, почему философ Гераклит сравнивал весь материальный мир и вещи, его составляющие, с рекой, в которой каждую минуту сменяются воды, так что войти в нее дважды невозможно?

- И очень правильно сравнивал, так оно и есть, вещи теперь для меня как будто потеряли устойчивые, привычные очертания и расплываются, дwoятся, троятся... Получается, что я даже часть стола не вижу, она ежесекундно изменяется.

- Вот-вот теперь ты сам осознал, насколько поверхностно мыслят те, кто утверждает, что существует лишь то, что мы видим. Видим мы ведь самую малость, не сказать еще сильнее – мгновенный всплеск утекающей материи! Да! Ну ладно, ты скажи мне лучше, а можно ли изменчивое назвать существующим?

- Отчего же нет! Я вот, допустим, изменялся с момента рождения? Изменялся! Сначала был младенцем, потом мальчиком и подростком, сейчас – юноша. Но я ведь существую, надеюсь, Вы не сомневаетесь в этом?

- Усомнишься тут, пожалуй! – рассмеялся я. – Но мне кажется, что ты не совсем меня понял. Разумеется, ты существуешь, но не благодаря одному только изменению, а, скорее уж, вопреки ему. Ведь и младенец, и мальчик, и юноша с твоим именем – это один и тот же человек, а вовсе не три разных человека?

- Конечно уж! Это я и есть. Если бы «мы» были бы разными людьми, то и изменения или роста бы не было

- Это ты точно уловил, молодец! Оказывается, чтобы предмет изменялся, надо, чтобы при этом он оставался сам собой, то есть был неизменным в основе своей. А если бы он полностью, абсолютно изменялся, то он ни развиваться, ни существовать просто бы не смог.

- Кажется, я понимаю: такой «предмет» как бы распадается на бесчисленное множество разных предметов, а они между собой вообще никак не связаны, и значит, нет никакого единого, цельного предмета...

- Так выходит, согласен с тем, что существует лишь нечто неизменное?

- И да, и нет. С радостью бы согласился, но тогда ведь получится, что ни стола, ни меня, ни Вас не существует вовсе, а это - абсурд, ведь если бы, скажем, меня не было, то кто тогда сейчас размышляет об этом?

- Правильно, мы же только что это говорили: и ты, и я, и стол, и комната, и мир изменяются и в то же время остаются собой, то есть не изменяются. Значит, и существуют, и не существуют.

- А, теперь я понял, почему Платон сравнивает материальные вещи с тенями: они же тоже существуют как бы лишь наполовину, только потому что есть предметы, которые эти тени отбрасывают.

- Точно! А изменяется в вещах что? Непонятно? Ну вот, скажем, в том же столе изменяется что – сама его суть или материя, из которой он состоит, то есть дерево?

- Конечно, дерево!

- А суть остается одной и той же?

- Да.

- А что из себя представляет эта суть?

- Как бы ее назвать... «стольность» что ли.. я хочу сказать, начало, которое и делает его столом, одним и тем же предметом, при всех изменениях его материи. «Стойность» оформляет древесину - материю стола, приносит в нее структуру, материя - древесина постоянно утекает в небытие, а «стойность» ее удерживает в бытии

- Как удивительно точно ты сказал! Но эту «стойность» в отличие от дерева можно увидеть глазами, пощупать или потрогать рукой?

- Нет.

- А как же ее можно ухватить?

- Пойдите... Ну, конечно, умом! Можно ведь понять, что такое стол! «Стойность» есть смысл стола, отличающий его от табуретки и шкафа!

- Точно!

- Но эта доступная лишь уму, а не глазу «стойность» существует?

- Еще бы, без нее и стола бы не было, ведь материально стол ничем не отличается от табуретки, и то, и другое из дерева!

- Это ты правильно заметил. Добавь только, что без «стольности» ты бы стола и не видел, ведь мы уже решили, что видим мы не только глазами, но и умом, а ум как раз и воспринимает не дерево, а «стольность». Скажи же, наконец, наряду со «стольностью», должна существовать и «каменность», и «человечность», и «мирность», чтобы существовали камень, человек, мир.

- А как же!

- Ну а теперь давай назовем их своим именем. Ведь это не что иное как идеи Платона – не в современном смысле, а в специфично платоновском – умопостигаемые принципы организации всех материальных вещей - от стула до космоса.

- Это я все теперь понял. Только мне не очень нравится само слово: идея. Засмеют ведь, если кому скажешь, что веришь в существование идей. В 21-то веке!

- Засмеют лишь те, кто не понимают, что это такое. Впрочем, изволь, можно обозначить и термином, более привычным людям современности. Скажи мне, что такое закон?

- Ну как бы это... Вот, скажем, камень падает с высоты с одним и тем же ускорением.

- Это ты пример закона привел, а я у тебя определение спрашивал. Ладно, согласен ты с тем, что закон есть периодическая повторяемость явлений?

- Точно, это самое закон и есть, как я сам не догадался!

- А эту повторяемость можно увидеть или она только умопостигаема?

- Умопостигаема! Видеть я могу лишь проявления закона Ньютона – падение камня там, а сам закон – лишь понять и даже описать математически. Здорово! Вот еще пример идеи – закон ведь тоже невидим, а существует! Попробуй кто заяви, что нет закона падения!

- Хорошо, молодец! А что же идея делает с материей вещи? Как ты только что говорил?

- Оформляет материю вещи, вносит в нее порядок, структуру, причем, материя каждое мгновение исчезает, так как она текуча и не стоит на месте, а идея восстанавливает вещь на основе вновь притекшей материи. Понял: идея и есть закон существования вещи. Не отдельных сторон этой вещи – там физического, химического аспекта, а то это были бы законы науки, а вещи взятой сразу в ее цельности! Идея – это наиболее фундаментальный закон существования вещей, мира в целом. Выходит, философия и есть не что иное как учение об идеях!

- Это ты хорошо, что предыдущую нашу беседу вспомнил. Вспомни еще, что мы говорили о частях и целом?

- Что целое всегда больше суммы частей, так, треугольник – это не просто совокупность одномерных отрезков.

- Правильно! Вот мы с тобой и подошли к самому простому, элементарному, кристально прозрачному и ясному определению идеи. Согласно ему

идея вещи есть не что иное как вещь в целом, или вещь взятая как простая целость. Глазами мы видим только части вещи – заднюю и переднюю часть стола, или ножку стола именно сию минуту, но не вещь в целом, причем она, эта вещь в целом никоим образом не равняется простой сумме частей – задней и передней части или вида стола вчера и сегодня. Мы зашли в комнату и поняли – это стол, не кружа вокруг него и не наблюдая за ним часами, то есть сразу умом схватили простую целостность стола, хотя видели только его часть – две ножки, угол и столешницу и всего лишь несколько секунд! Так-то! Эта вещь в целом и есть умопостигаемая сущность, остающаяся неизменной при изменениях материи, или умопостигаемый закон, принцип организации материи! А тот, кто утверждает, что идей не существует, тот, выходит, признает лишь части, но отрицает целое! Признает столешницу и ножки, но не стол! Волен он это делать? Естественно! Каждый волен болтать, что ему угодно. Единственное, что мы можем потребовать – это чтоб он был при этом последовательным. Если ты отрицаешь целое, единство, то и иди до конца – отрицай вместе с целым и часть, часть ведь тоже целое, только уже по отношению к более мелким частям, из которых она состоит. И эти мелкие части отрицай! И в итоге ты придешь к фикции, пустоте, пшику! Так вот теперь и знай: или ты признаешь идеи – и тогда существует мир, облака, земля, дома, столы, ты сам, или ты идеи не признаешь, но тогда ничего нет, даже тебя, отрицающего и рассуждающего. И тогда, будь добр, умолкни – не к лицу иллюзии и химере быть столь говорливой!

- Точно! Вот я и стал идеалистом, как Вы. Чудеса!

- Ты опять горячишься и торопишься. Не одни только идеалисты говорят о существовании идеального. И умный, глубокий, диалектический материализм, в отличие от материализма глупого, плоского, обывательского, тоже знает, что есть идеальное. Ты почитай об этом работы Ильенкова, например, «Диалектику идеального» Или Михаила Лифшица «Диалог с Эвальдом Ильенковым»... Другое дело как объяснить это идеальное – вот тут дороги идеализма и материализма расходятся. Ты же, братец, пока только переступил границу, за которой начинается страна Философия. Ты только овладел философским углом зрения, научился понимать, что кроме видимой реальности, которая у каждого перед носом, существуют еще и умопостигаемые законы, принципы - идеи, и что от этих законов, принципов и идей зависит бытие самых что ни на есть материальных, зримых вещей. А что уж ты этим зрением разглядишь, чем тебе идеи покажутся – формами языка и культуры, регулятивными принципами разума, мыслями Божественного Ума, этого я не знаю...

- Ну так я буду разбираться в этом, и точно говорю Вам: в конце концов разберусь!

- Давай-давай, дерзай! Мне твой настрой нравится.

Так закончилась наша вторая беседа с настырным «физиком».

Заключение

Прошло много лет. Этот студент-физик подросток, стал сначала аспирантом-физиком, потом кандидатом физматнаук, моим коллегой-преподавателем. Теперь часто с ним встречаемся с ним между занятиями, и по-прежнему разговариваем о философии. Да-да, не удивляйтесь! Он до сих пор почитывает философов: Платона, Канта, Лосева. Хотя его область профессиональных интересов довольно далека от этого: он занимается, кажется, квантовой хромодинамикой, и успешно занимается, самые хорошие отзывы о нем. В общем хороший добротный ученый-физик. Но мы ведь и говорили о том, что для того, чтобы стать просто хорошим физиком, нужно хоть немножко стать и философом.

Опубликовано в: «О вечном и преходящем. Сборник научных статей. Выпуск 4» Уфа, 2013. С.С. 137-149